

УДК 77.04(47)

ББК 87.821.12

Екатерина Евгеньевна Звонова

Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский Университет), кандидат философских наук, доцент института социальных наук, Россия, Москва; Филиал частного учреждения образовательной организации высшего образования «Медицинский университет “Реавиз”» в городе Москве, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения, Россия, Москва, e-mail: inflammatur@yandex.ru

Екатерина Сергеевна Григорьева

Московский государственный университет, аспирант первого года обучения, Московский государственный университет, философский факультет, кафедра онтологии и теории познания, Россия, Москва, e-mail: yatak.grig@yandex.ru

Интерпретации идеи освоения космоса в советских художественных фильмах

Аннотация. Рассматривается проблема интерпретации идеи освоения космоса в советских художественных фильмах. Актуальность исследования обусловлена целесообразностью изучения свойственных советской культуре интерпретаций идеи покорения космоса в целях стимулирования современных космических разработок за счет формирования позитивного образа космической экспансии, а также в целях более тщательного исследования проблемы соотношения проектов русского космизма и русского коммунизма. Материалом для изучения выступают ленты «Космический рейс» (1936 г.), «Полет на Луну» (1953 г.), «Укрощение огня» (1972 г.). Работа с материалом осуществлена с применением методов дискурс-анализа, семиотического анализа, культурно-исторического метода, компаративного анализа. Показано, как «преобразовательные» мотивы космизма ассимилируются советской культурой. Пересечение космистского и советского дискурсов составляет феномен, именуемый «советским космизмом». Интерпретации идеи освоения космоса в фильмах иллюстрируют данный феномен и тенденцию к отождествлению космических свершений и победы коммунизма. В качестве знаков этого отождествления рассматриваются символы и идеологически значимые названия и действия, визуализация пространства, включающего «советские» и «космические» постройки, обращения к «прометеевскому» мотиву дерзания, одержимости, ценности освобождения, темы единства и достоинства советского народа, превосходства СССР над США. Означенные интерпретации рассматриваются как воплощение «советского космизма» в силу их связи с идеями нераздельности повседневности и глобального проекта, коллективного решения общезначимой задачи, братских отношений между «новыми людьми», регуляции естественных явлений, «киной природы», преобразовательного потенциала науки и техники, проектно-практической ориентации. Преемственность между русским космизмом и советским дискурсом олицетворяет фигура К.Э. Циолковского. Отмечается, что исследуемые интерпретации несут на себе печать периода создания содержащих их фильмов.

Ключевые слова: советский художественный кинематограф, семиозис космоса в СССР, русский космизм, «советский космизм», русский коммунизм, управление природой

Ekaterina Evgenyevna Zvonova

I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Sechenov University), Ph.D., Associate Professor, Institute of Social Sciences, Russia, Moscow; Branch of the private institution of the educational organization of higher education "Medical University "Reaviz"" in Moscow, Associate Professor of the Department of Public Health and Health, Russia, Moscow, e-mail: nflammatur@yandex.ru

Ekaterina Sergeevna Grigoreva

Moscow State University, first-year postgraduate student, Moscow State University, Faculty of Philosophy, Department of Ontology and Theory of Knowledge, Russia, Moscow, e-mail: yatak.grig@yandex.ru

Interpretations of the idea of space exploration in Soviet films

Abstract. The article examines the problem of interpreting the idea of space exploration in Soviet feature films. The relevance of this study stems from the need to examine the interpretations of space conquest characteristic of Soviet culture in order to stimulate contemporary space developments by fostering a positive image of space expansion, as well as to investigate more thoroughly the correlation between the projects of Russian cosmism and Russian communism. The materials for analysis are the films *Cosmic Voyage* (1936), *Flight to the Moon* (1953), and *Taming of Fire* (1972). The analysis employs methods of discourse analysis, semiotic analysis, the cultural-historical method, and comparative analysis. The article demonstrates how the "transformative" motives of cosmism are assimilated by Soviet culture. The intersection of cosmist and Soviet discourse constitutes a phenomenon termed "Soviet cosmism". The interpretations of space exploration in these films illustrate this phenomenon and the tendency to identify cosmic achievements with the victory of communism. As markers of this identification, the article examines symbols and ideologically significant names and actions; the visualization of space encompassing "Soviet" and "cosmic" structures; appeals to the "Promethean" motif of daring, obsession, and the value of liberation; and themes of unity and dignity of the Soviet people, as well as the superiority of the USSR over the United States. These interpretations are regarded as embodiments of "Soviet cosmism" due to their connection with the following ideas: the inseparability of everyday life from the global project; the collective resolution of a universally significant task; fraternal relations among the "new people"; the regulation of natural phenomena and the concept of "a different nature"; the transformative potential of science and technology; and a project-oriented, practical focus. The continuity between Russian cosmism and Soviet discourse is personified by the figure of K.E. Tsiolkovsky. The interpretations under study bear the imprint of the historical period in which the films were produced.

Key words: Soviet feature cinema, semiosis of space in the USSR, Russian cosmism, "Soviet cosmism", Russian communism, control of nature

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.2.082-097

Задача развития направлений, связанных с освоением космоса, весьма актуальна для России¹. Чтобы стимулировать космические разработки, необходимо формировать позитивный образ покорения космического пространства на уровне общественного сознания.

¹ См.: Сергеева А.С. Развитие перспективных космических технологий и систем как основа технологического суверенитета России // Мир новой экономики. 2025. Т. 19, № 1. С. 17–26 [1]; Жданов В.Л. Государственная политика России в области космической деятельности в свете последних глобальных

Для решения указанной задачи целесообразно использовать опыт советской культуры, изучать представленные в ней интерпретации идеи освоения космоса. Космические успехи Советского Союза несомненны: достаточно вспомнить запуск первого спутника Земли (1957 г.), первое достижение поверхности Луны (1959 г.) и полет Ю.А. Гагарина (1961 г.)². Этим прорывам способствовали репрезентации космической экспансии в советской культурной среде. Последняя формировалась под влиянием «завета Ильича», сохранившегося благодаря воспоминаниям А.В. Луначарского: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино»³.

Объектом нашего исследования является идея освоения космоса в советской культуре, предметом – интерпретации этой идеи в советском художественном кинематографе. Прежде чем перейти к их анализу, раскроем мировоззренческое значение космического проекта СССР и его соотнесенность с философией русского космизма.

Цель космической экспансии была важна для Советского Союза не только в научном и политическом плане – она сфокусировала суть советской атеистической духовности. Так, Н.С. Попова и С.И. Попов пишут: «Полеты в космос стали главным воплощением советской культуры времен пика ее силы и своеобразности, так что вне этого контекста их понять просто нельзя (с утилитарной точки зрения, которая инфицировала общественное сознание к концу Советского Союза, в них не увидишь ни чуда, ни пафоса). Порыв в космос явился наиболее полным воплощением «советскости» (символично выглядит в этой связи порыв постсоветской России к обзаведению флотилиями мегаяхт и вообще, так сказать, ко дну океанов)» [5, с. 54].

Покорение космоса часто рассматривалось практически как эквивалент победы коммунизма, чему способствовало соперничество в сфере освоения космоса между СССР и США (космическая гонка). Подобная эквивалентность отражена во многих феноменах советской культуры. Е.А. Федосов исследует пересечение космической и идеологической тем в плакатах, журнальных и газетных рисунках, карикатурах⁴. А.В. Астахова отмечает, что советский павильон для выставки Экспо-70 похож одновременно на башню Татлина и на монумент «Покорителям космоса», причем вершину павильона венчают серп и молот, а вершину монумента – ракета⁵.

вызовов и перспектив: цели, принципы, задачи и основные приоритеты // Управленческое консультирование. 2022. № 9. С. 18–28 [2]; Уваров Д.Н. Проблемы и перспективы космической отрасли России // Вестник Отделения наук о Земле РАН. 2021. Т. 13, № 1. С. 40–50 [3].

² См.: Герасютин С.А. Стремление ввысь. Очерки космонавтики. М.: Ноократия, 2024. 744 с. [4]; Каманин Н.П. Скрытый космос. Кн. 1 1960–1963 гг. // Скрытый космос. В 4 кн. М.: Инфортекст-ИФ, 1995. 400 с. [5].

³ См.: Болтянский Г.М. Ленин и кино. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. С. 19 [6].

⁴ См.: Федосов Е.А. Идеологема «космос» в образах советской визуальной пропаганды 1957–1965 гг. // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 1. С. 200–218 [8].

⁵ См.: Астахова А.В. Русский космизм в проектировании городской среды Советского Союза в 50–60-е гг. XX в. // Дискурс. 2023. Т. 9, № 4. С. 22 [9].

«Советскость» идеи освоения космоса удивительна, но закономерна. Удивительна, потому что обоснование и развитие она получила до возникновения Советского Союза – в рамках русского космизма, родоначальником которого является Н.Ф. Федоров, считавший созданное им учение «активным христианством» и отвергавший путь революционных преобразований. Закономерна, потому что и русский космизм, и русский коммунизм (несмотря на формально атеистический характер идеологии) впитали паттерны православного мировоззрения, определившего многие особенности отечественного менталитета⁶. В советской культуре коммунистические идеалы и чаяния русского космизма слились воедино.

Философское творчество Н.Ф. Федорова относится ко второй половине XIX века и во многом представляет собой реакцию на те же запросы, что и популярные тогда социалистические идеи. «Неотмирная» («пассивная») интерпретация христианского учения не удовлетворяла потребность в «земном» решении вопросов, связанных с организацией оптимального распределения ресурсов, обеспечением достойного существования большинства членов общества, а не сравнительно немногочисленных привилегированных его групп. Она не позволяла осмыслить бурное развитие науки в контексте предельных смыслов человеческого существования. Назревала дилемма: или духовность и пассивное «смирение» – или материализм и революционный протест.

Н.Ф. Федоров попытался разрешить эту дилемму, призвав к одухотворению мира, подразумевающему его преобразование («преображение») на материальном уровне. Философ стремился перенаправить энергию протеста на естественный порядок мира, согласно христианству установившийся после грехопадения. Ведь именно он порождает ограниченность ресурсов, которая чревата революциями и войнами. Альтернативой классовой солидарности и классовой борьбе Н.Ф. Федоров считал объединение людей во имя общего дела, направленного на регуляцию природы. Его реализация призвана устранить естественные основания взаимной вражды.

Недаром ключевым концептом русского космизма ряд ведущих исследователей (например, С.Г. Семенова и А.Г. Гачева)⁷ считает идею активной эволюции, т.е. эволюции, направляемой разумом, волей и нравственным чувством человека. Согласно активно-эволюционной логике, природа создает человека, чтобы тот воссоздал ее и природные силы перестали быть слепыми, чтобы естество через него обрело моральное самосознание. Противоречия в отношениях природы и человека оказываются диалектическими, способствующими их взаиморазвитию. Неслучайно Н.Ф. Федоров полагал: «Природа нам враг временный,

⁶ См. об этом подробнее: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. М.: Наука, 1990. 224 с. [10].

⁷ См.: Русский космизм: Антология философской мысли / сост. С.Г. Семеновой, А.Г. Гачевой; вступ. ст. С.Г. Семеновой; предисл. к текстам С.Г. Семеновой, А.Г. Гачевой; примеч. А.Г. Гачевой. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 368 с. [11].

а друг вечный потому, что нет вражды вечной, а устранение временной есть наша задача, задача существ, наделенных чувством и разумом» [10, с. 521].

Победа над смертью и воскрешение предков – это то, с чем у многих федоровское учение ассоциируется прежде всего. Эта идея сохраняет актуальность по сей день, обретая новые смыслы, например в контексте трансгуманизма и синергетики⁸. Но имморталистские проекты являются лишь частными проявлениями активно-эволюционной деятельности человека по регуляции природы на уровне микрокосма. Освоение же космоса предполагает расширение сферы ее применения до масштабов макрокосма.

Признание ценностно ориентированного управления природными процессами «точкой сборки» русского космизма не только позволяет верно оценить мировоззренческое значение космической экспансии для Н.Ф. Федорова и его последователей, но и делает очевидной закономерность интеграции «преобразовательных» сюжетов космизма в дискурс советской культуры, романтизирующей контроль над природой.

Разумеется, соответствующие сюжеты претерпели трансформацию. Преобразование природы в изначальной оптике космизма означает не превозношение над ней, но воплощение природной интенции. Логика советского проекта способствовала тому, что преобразование было зачастую интерпретировано как покорение, преодоление. Смена фокуса была обусловлена стремлением советской культуры создать «нового человека», воплощающего прометеевский тип личности⁹. Поскольку «новый человек» восстает против любого угнетения, закономерен его протест не только против тирании социальной, но и против диктатуры слепых законов естества. Подобная расстановка акцентов коснулась и освоения космического пространства. В этом смысле символично название монумена «Покорителям космоса».

Однако четкую границу, которая отделяла бы действия, выражающие интенцию природы к самосовершенствованию через человека, от подчинения естества человеческой воле, провести проблематично. Поэтому отсылающие к управлению природными процессами концепты русского космизма и советской идеологии сливаются воедино, образуя идейный континуум, именуемый нами «советским космизмом». Попытки установить, чего больше в конкретном феномене, «космистского» или «советско-коммунистического», зачастую напоминают спор о том, что первично – яйцо или курица.

Реализация проекта русского космизма означала бы возникновение общества без классовой борьбы, скрепленного неотчужденным трудом, соответствующего идеалу коммунизма. Но может ли наука, мощное орудие регуляции природы, служить «общему делу» в капиталистическом обществе? Вероятно, нет,

⁸ См.: Tumarkina L.V. Evolution of Death and Immortality Ideas From Russian Cosmism to Synergy // Pensamiento. 2023. Vol. 79, № 302. P. 73–92 [13].

⁹ См.: Яковлева Е.Л. Конструирование советского человека посредством мифов // Наука. Общество. Государство: электрон. науч. журн. 2025. Т. 13, № 4. С. 164–178 [14].

ведь ее финансирование определяется частными интересами. В связи с этим правомерно считать коммунизм условием воплощения чаяний русских космистов.

Взаимной дополнительностью и диалектическим единством космистского и коммунистического проектов объясняется тот факт, что идея освоения космоса, представляющая собой эмблему космизма, стала символом победы коммунизма в советский период. Для лучшего понимания интерпретаций космической экспансии коснемся наиболее ярких феноменов «советского космизма».

Примером синтеза космистских и коммунистических идей является пролетарский и новокрестьянский космизм. С.Г. Семенова справедливо отмечает, что стихи и статьи пролетарских поэтов – от М.П. Герасимова и В.Т. Кириллова до И.Г. Филипченко и А.К. Гастева – отражают представление о революции не как об обычной социальной перестройке общества, но как о бытийственном перевороте, открывающем новую планетарно-космическую эру, преобразующую мировой порядок и человека¹⁰. Развита авторами «крестьянской купницы» концепция «мужицкого рая» перекликается и с идеями Н.Ф. Федорова о космичности сельской жизни и преобразовательном потенциале крестьянского труда, и с идеалом государства рабочих и крестьян¹¹.

Культура раннего советского периода впитала концепты воскрешения предков (патрификации) и обретения бессмертия. В начале двадцатых годов XX века лидер движения биокосмистов Александр Святогор утверждал, что социальная программа почти завершена, а теперь остается «поставить на очередь дня космическое воскрешение мертвых»¹². Б. Гройс подчеркивает, Святогор полагал бессмертие предпосылкой и целью коммунистического общества будущего, ведь, поскольку смерть разделяет людей, подлинная солидарность может быть лишь между бессмертными¹³. И.Г. Эренбурга спрашивали во время лекций, как скоро коммунизм откроет возможность победы над смертью¹⁴.

Большие надежды возлагались на научную организацию труда¹⁵, позволяющую регулировать физическую реальность, особенно время. Знаковой с этой

¹⁰ См.: Семенова С.Г. Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика – Видение мира – Философия. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. С. 13 [15].

¹¹ Там же. С. 40–66.

¹² См.: Бердяев Н. А. Самопознание. М.: СП «ДЭМ»: Международные отношения, 1990. С. 219 [16].

¹³ См.: Groys B. Becoming Cosmic in: Russian Philosophy in the Twenty-First Century // Russian Philosophy in the Twenty-First Century: An Anthology / ed. by M. Sergeev, A.N. Chumakov, M.E. Theis. Leiden; Boston: Brill Rodopi, 2021. P. 155 [17].

¹⁴ См.: Масинг-Делич А. Упразднение смерти. Миф о спасении в русской литературе XX века / пер. с англ. М. Абушика. СПб.: Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. С. 8 [18].

¹⁵ См.: Надехина Ю.П., Крюкова Е.В., Геокчакая А.Г. «Культура труда» и «культурная революция» в СССР. Деятельность ЦИТа в 1920-е–1930-е гг. // Человек и культура. 2023. № 2. С. 15–22 [19]; Дволучанский И.В. Социокультурный фактор влияния на формирование идей научной организации труда в работах Алексея Гастева // Управленческое консультирование. 2024. № 4. С. 116–124 [20].

точки зрения является работа В.Н. Муравьева «Овладение временем как основная задача организации труда» (1924 г.)¹⁶. Ее автор полагает, что научная организации труда (НОТ) получает бесспорную цель лишь исходя из интенции управления временем для преобразования мира, для его «космизации». Мыслитель подчеркивает новый статус науки: она обретает всеобщий, всечеловеческий характер, становится преддверием науки космической.

Изданная в 1924 году, работа В.Н. Муравьева является отражением не только политических и социальных, но и антропологических преобразований Страны Советов. Н.И. Бухарин на XIII съезде РКП(б) провозгласил главным «приобретением» советской революционной власти создание нового типа людей¹⁷. Это событие выявляет смысл укрощения природы: оно выступает формой самореализации «нового человека».

Как и прочие «преобразовательные» мотивы, мотив управления временем характеризует не только философские работы, он пронизывает все сферы жизни государства, ориентированного на индустриализацию и перевыполнение планов. В романе В.П. Катаева «Время, вперед!» (1932 г.), название которого отсылает к тексту пьесы В.В. Маяковского «Баня» (1929 г.), инженер Налбандов произносит знаковую фразу: «Мы достигнем скорости света и станем бессмертными» [20, с. 267]. В продолжающем русский космизм советском и в породившей его культуре идеи объединяющего людей труда, преобразования природы, управления временем и имморталистские чаяния также оказываются слитыми воедино.

Это единство интегрирует и в проекты покорения пространства, включая пространство космическое. Утверждение о «пространстве в целом» подтверждается примерами освоения целины, арктической экспедиции челюскинцев и т.п.; вспоминаются слова из «Марша веселых ребят» (1934 г.): «Мы покоряем пространство и время, / Мы – молодые хозяева земли»¹⁸. Об общем значении космической экспансии для культуры СССР сказано достаточно; перейдем непосредственно к изучению ее интерпретаций, отраженных в фильмах.

Для анализа мы выбрали три произведения – «Космический рейс» (1936 г.), «Полет на Луну» (1953 г.) и «Укрощение огня» (1972 г.). Выбор во многом обусловлен тем, что время создания этих кинолент приходится на разные периоды советской истории, что позволяет учитывать эволюцию процесса репрезентации космического проекта. Кроме того, данные картины визуально и жанрово различны; наличие общих тенденций в «неоднородных» произведениях с большой

¹⁶ См.: Муравьев В. Овладение временем как основная задача организации труда. М.: издательство автора, 1924. 127 с. [21].

¹⁷ См.: Бухарин Н.И. Доклад о работе среди молодежи / Заседание одиннадцатое 29 мая // Стенографический отчет Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. М.: Государственное издательство Политической литературы, 1963. С. 515 [22].

¹⁸ См.: Дунаевский И., Лебедев-Кумач В. Марш веселых ребят. 1934 [Электронный ресурс]. URL: http://sovmusic.ru/text.php?fname=ves_reb (Дата обращения: 02.05.2026) [24].

степенью вероятности не случайно. «Космический рейс» представляет собой черно-белый немой научно-фантастический фильм о первом космическом путешествии. «Полет на Луну» – мультфильм, который часто рассматривается как ремейк «Космического рейса» из-за сходства сюжетов. «Укрощение огня» – драматический фильм о развитии советского ракетостроения и судьбе конструктора Андрея Башкирцева (собираТЕЛЬНЫЙ образ, вобравший в себя черты С.П. Королева и других пионеров авиационной и ракетной техники).

Сюжет киноленты «Космический рейс» (1936 г.) режиссера В.Н. Журавлева прост. События происходят летом 1946 года. Сотрудники Института межпланетных сообщений имени К.Э. Циолковского проводят опыты, связанные с подготовкой полета на Луну. Энтузиасту космического путешествия академику Седых противостоит скептик профессор Карин, который выступает против полета. Ракетоплан «Иосиф Сталин» всё-таки отправляется в путь, на борту – академик, ассистентка Марина и мальчик Андрюша Орлов – младший брат аспиранта Седых, пытавшегося под влиянием Карина предотвратить полет. Высадившись на обратной стороне Луны, путешественники достигают видимой с Земли ее части и подают землянам сигнал (слово «СССР»). Используя замерзшие остатки лунной атмосферы, они пополняют запасы кислорода и успешно возвращаются домой, спасая подопытную кошку – пассажирку не вернувшейся на Землю ракеты.

Сближение тем покорения космоса и торжества коммунизма выражено в фильме с помощью ряда деталей. К уже упомянутым относятся название ракетоплана «Иосиф Сталин», полет которого открывает космическую эру, а также сигнал «СССР», свидетельствующий о достижении жителями Земли поверхности другого небесного тела. Примечательно, что на помощь долго не возвращавшемуся «Иосифу Сталину» земляне планировали послать ракетоплан «Клим Ворошилов». Показателен момент, когда Андрюша устанавливает на Луне советский флаг. Полет осуществляется «вопреки», т.е. представляет собой дерзание, благородное безумие (Карин и называет Седых безумцем), что соответствует мотиву жертвенности во имя идеи, поощряемому коммунистической идеологией. Эстетика фильма, как отмечают В.Б. Мендонса и В. Липпольд, отражает переход кинофантастики к социалистическому реализму¹⁹.

Преемственность между идеями русского космизма и советским космическим проектом иллюстрируется самой историей создания киноленты: она посвящена К.Э. Циолковскому, который был научным консультантом фильма и причастен к написанию сценария. Замечательно, что «Космический рейс» стал первым научно-фантастическим фильмом об освоении космоса, созданным в СССР, и определил «исходную» визуализацию космической мечты.

¹⁹ См.: Mendonça V.B., Lippold W. Da Revolução ao Cosmos: expressões de ficção científica nas primeiras décadas do cinema soviético // RUS (São Paulo). 2025. Vol. 16, No 29. P. 14–36 [25].

Черты «советского космизма» иллюстрируют многие обстоятельства путешествия на Луну. К ним можно отнести ситуации, показывающие единство повседневной жизни и глобального проекта: жена Седых беспокоится, что «ее старик» забыл валенки, а на Луне – 270 градусов, Андрюша причисляет себя к изобретателям, поскольку создал особую рогатку. Здесь вспоминаются и интенции советской культуры одухотворить бытовую и трудовую деятельность чувством причастности к коммунистической идее²⁰, и убежденность Н.Ф. Федорова в том, что творцами «общего дела» должны стать обычные люди и что это «общее дело» есть будничный, хотя и возвышенный труд. Примечательно, что на Луну летят пожилой мужчина, молодая женщина и мальчик-подросток: люди разного пола и возраста объединены общей значимой задачей, что соотносится и с идеей советского коллективизма, и с характерным для космизма идеалом сорбности.

Подчеркнем роль технического аспекта «Космического рейса». То, что фильм является немым, усиливает роль визуального ряда, позволяет ярче продемонстрировать возможности техники и явления, которые отсутствуют в повседневной жизни (невесомость, «воробьиное» передвижение по Луне и т.п.). Представления об «иной» природе и о том, что путь к ней открывает наука, характерны для «советского космизма». Причем понимание пути здесь можно связать как с физическим явлением (космическое пространство до «других миров»), так и с методом преобразования природы. «Немота» фильма способствует особой сосредоточенности зрителя (нельзя пропустить текст реплик персонажей и потерять нить повествования). Такая сосредоточенность предполагает активную позицию зрителя, коррелирующую с общей установкой «советского космизма» на активность.

Обратимся к сюжету мультфильма «Полет на Луну» (1953 г.) режиссеров З.С. Брумберг и В.С. Брумберг. Московские пионеры сталинской эпохи Коля Хомяков, Петя Терещенко и Сэнди Робинсон играют в «Международное Общество Межпланетных Сообщений имени Циолковского» (МОМС). Ребята узнают, что отец их подруги Наташи, улетевший на Луну, не может вернуться из-за аварии. Дети пытаются отправить пса Тобика выручать космонавта, но случайно пассажиром космического корабля «Р-2», направляющегося к Луне, становится Коля. Помимо него, экипаж составляют профессор Бобров и женщина-космонавт Софья Андреевна. Путешественники достигают Луны. Корабль «Р-1», где находился Наташин отец, не выходит на связь. Коля и профессор ищут его, попадают под метеоритный дождь, укрываются в пещере. Повредивший ногу профессор Бобров остается там, а мальчик находит «Р-1» и отца Наташи. Коля и космонавт возвращаются за профессором. После починки «Р-1» и установления связи с «Р-2» оба корабля возвращаются в Москву.

²⁰ См.: Романов Р.Е. Архетип, традиция, модерн: феномен стахановского труда 1941–1945 годов (на материалах сибирского военпрома) // Исторический курьер. 2020. № 1(9). С. 69–80 [26].

«Полет на Луну» также демонстрирует пересечение тем освоения космоса и торжества коммунизма. Путешествие Коли не состоялось бы без деятельности МОМС, название которого свидетельствует о соединении «межпланетного», и «международного» (гимном СССР с 1922 по 1944 год был «Интернационал»). При этом, международность общества которого подкрепляется тем, что его создатели (Коля – русский, Петя – украинец, а Сэнди – негр) воплощают ключевой для советской идеологии принцип «дружбы народов». О близости идей покорения космоса и построения коммунизма зритель может судить и по облику Москвы: выполняющая функции Центра управления полетами обсерватория и космодром гармонично сосуществуют со сталинскими высотками и не построенным в реальности Дворцом Советов.

Преемственность между русским космизмом и советским дискурсом, как и в случае с «Космическим рейсом», показана через отсылку к К.Э. Циолковскому (МОМС носит его имя). Интерпретация идеи освоения космоса в духе «советского космизма» поддерживается деталями: разный пол и возраст участников космического полета; непривычные для землян лунные явления (отсутствие погоды и рассеяния света и т.п.); соединение высокого и будничного, высокой миссии и будничных забот (ставший пассажиром «Р-2» Коля просит вернуть его на Землю, не желая пропустить контрольную).

Общий для коммунизма и космизма идеал братских отношений между людьми выражается через дружбу детей, стремление юных членов МОМС утешить Наташу, помочь ее отцу. Пионеры из мультфильма «Полет на Луну» – не просто «новые люди» советского общества, их можно охарактеризовать, выражаясь языком вдохновившей русский космизм христианской традиции: они совлеклись с «ветхого человека» и облеклись в свободного от эгоизма «человека нового».

«Космичность», мироощущение «советского космизма» выражаются создателями «Полета на Луну» и с помощью музыкального сопровождения. В эпизодах пребывания героев на Луне фантастическую атмосферу подчеркивает звучание электронной музыки, ассоциирующейся с научно-техническим прогрессом. Наука и техника – орудия преобразования природы, сущностного для русского космизма и советской культуры проекта.

Перейдем к рассмотрению сюжета и анализу фильма «Укрощение огня» (1972 г.) режиссера Д.Я. Храбровицкого. Фильм разворачивает перед зрителем картину пути от создания первых самодельных ракет до выхода человека в космическое пространство.

Едва окончив школу, энтузиаст Андрей Башкирцев отправляется покорять Москву с чертежами сконструированного им аэроплана. Чертежи забраковали, но молодой человек грезит созданием реактивного самолета. Башкирцев встречает Циолковского, и это событие зарождает в нем мечту о космосе. Перед Великой Отечественной войной герой разрабатывает первые ракеты и строит стартовый комплекс. Во время войны Башкирцев занимается решением оборонных

задач. Послевоенная жизнь конструктора посвящена созданию новой ракетной системы, совместной с Курчатовым работе над ракетно-ядерной программой, проектированию ракеты-носителя первого спутника, разработкам проекта полета на Луну. Моментом высшего триумфа для Башкирцева становится полет Гагарина. Несмотря на то что главный герой умирает от сердечного приступа после отмены намеченного запуска, фильм производит жизнеутверждающее впечатление. Башкирцев не просто посвятил себя значимому для человечества делу, увидел плоды своих трудов и оставил последователей, он сохранил главное – «горение» идей.

«Укрощение огня» также воплощает идею единства покорения космоса и торжества коммунизма. Символично, что руководитель ГИРДа Карташов после взлета ракеты («первой советской», по его замечанию) поет «Интернационал», и ему подпевают товарищи-энтузиасты. Показательны заявления в СМИ, последовавшие за запуском первого спутника. Фредерик Жолио-Кюри отмечает, что человек более не прикован к своей планете, что вызывает ассоциации с идеей освобождения, одной из главных целей революции. Вашингтонский корреспондент «Юнайтед пресс» передает: «Девяносто процентов разговоров об искусственных спутниках Земли приходилось на долю Соединенных Штатов Америки, а, как оказалось, сто процентов дела пришлось на долю России». Эти слова в контексте холодной войны говорят о торжестве коммунистической идеи. Во время первомайской демонстрации с помощью ракеты сбит шпионский самолет: она показана как средство не только покорения космоса, но и защиты государства, стремящегося к победе коммунизма.

Главным событием, отражающим единство реализации космического проекта и триумфа СССР, является подвиг Гагарина. Когда после первого космического полета Башкирцеву предлагается выпить лично за него, конструктор произносит замечательную речь: «Нет, я хочу выпить за нас. Не за кого-либо персонально, а за миллионы и миллионы нас, имя которым – народ. Человечество вступило в космический век. Оно шагнуло в иную эпоху, и мост человечеству перекинули мы. Те самые мы, которые мерзли по Магнитогорскам, лопатами строили Днепрогэс и Турксиб, хлебали голод и холод, отстояли Москву и взяли Берлин. Пройдут каких-нибудь тридцать лет, и в космос станут летать по профсоюзным путевкам. Люди достигнут иных миров, как мечтал Циолковский. Но никто никогда не повторит того, что было совершено нами. Мы были первыми – и останемся уже ими на века. Это так трудно – быть первыми. Давайте выпьем. Давайте выпьем за Россию. За нашу партию. За наш прекрасный народ. За первую в мире Страну Советов». После этой речи и осушения бокалов Башкирцев запевает «Варшавянку» – и окружающие подпевают ему.

Фигурой, связывающей русский космизм и советский космический проект, опять оказывается К.Э. Циолковский. Интересен эпизод, где Башкирцев выступает против копирования «Фау-2» фон Брауна: «Я учился у Циолковского и

Кондратюка. Мне учиться у Брауна нечему!»²¹ И представитель ЦК КПСС Логунов признает: нужно делать отечественные ракеты. Эта ситуация показывает, как выбор СССР собственной дороги к звездам связан с идеями русского космизма (здесь создатели фильма допускают историческую неточность, поскольку отечественные специалисты использовали опыт фон Брауна).

«Укрощение огня» раскрывает преобразовательный настрой «советского космизма», его интенцию к регуляции природы (значимо само название фильма), регулятивный потенциал науки и техники (особенно космической). Покорение космоса отсылает к необходимости ускорения времени. «Время – вот что невозможный ресурс», – говорит Башкирцев в одном из эпизодов, подчеркивая, что важен не приоритет, а открытие нового космического направления. Фильм отражает свойственный и коммунистическому мировоззрению, и учению Н.Ф. Федорова активно-практический, а не пассивно-теоретический подход к реальности: Башкирцев замечает, что «космос не покоряют на стендах». В фильме передана также такая важнейшая черта «советского космизма», как «всеобщность» (личная судьба сопряжена с общей судьбой и причастна объединяющему труду): вспомним торжественную речь главного героя. «Укрощение огня» иллюстрирует отношения между людьми, которые в коммунистическом дискурсе выражены словами «человек человеку друг, товарищ и брат», а Н.Ф. Федоров назвал бы «родством»; примером таких отношений является дружба Башкирцева и его соратника Огнева.

Духу «советского космизма» и названию фильма соответствует и музыкальное сопровождение – увертюра А.П. Петрова, передающая ощущение «прометеевского» дерзания. «Укрощение огня» включает сцены, снятые на космодроме Байконур, на ракетном полигоне Капустин Яр, что отражает стремление «советского космизма» к подлинности, к действительной, а не сугубо символической регуляции мира.

Обобщая результаты исследования, можно сделать следующие выводы.

Интерпретации идеи освоения космического пространства в советских художественных фильмах демонстрируют тенденцию к отождествлению покорения космоса и торжества коммунизма, а также феномен «советского космизма» – пересечение концептов русского космизма и советского дискурса.

Кинематограф СССР показывает тождество космической экспансии и победы коммунистической идеи при помощи символов, идеологически значимых названий и действий, через визуализацию пространства, включающего «советские» и «космические» постройки, за счет обращения к «прометеевскому» мотиву дерзания, благородной одержимости, ценности освобождения, единства и достоинства советского народа, к теме превосходства СССР над США, а также к проблеме защиты Родины.

²¹ См.: Укрощение огня (1972): видеофильм / реж. Даниил Храбровицкий. Время воспроизведения: 00:59:01-00:59:10 [Электронный ресурс]. URL: <https://clc.li/HaNzj> (Дата обращения 02.05.2026) [27].

Характерные для кинематографа СССР интерпретации идеи покорения космоса воплощают черты мировоззрения «советского космизма» ввиду их соотнесенности с идеями единства повседневной жизни и реализации глобальных проектов, коллективного участия в решении общезначимой задачи, братских отношений между «новыми людьми», регуляции природных явлений, «иной природы», преобразовательного потенциала науки и техники, активной, проектно-практической жизненной ориентации. Преемственность между русским космизмом и советским дискурсом олицетворяет фигура К.Э. Циолковского.

Интерпретации идеи космической экспансии в советском кино не статичны. Так, например, фильм «Укрошение огня» демонстрирует сближение космической и оборонной проблематики, отражая реалии холодной войны.

По нашему мнению, для формирования позитивного образа космической отрасли, актуально транслировать общие для русского космизма и советской культуры интерпретации идеи освоения космоса. Это обусловлено тем, что они могут быть релевантны мировоззрению людей, придерживающихся различных политических убеждений. Сторонник коммунизма примет данные интерпретации как подтверждение своей позиции. Но поскольку они соответствуют также установкам философии, впитавшей сущностные черты отечественного менталитета и не предполагающей обязательных симпатий к коммунистической (и любой другой) идеологии, ничто не мешает приверженцам иных политических взглядов вдохновляться ими.

Список литературы

1. Сергеева А.С. Развитие перспективных космических технологий и систем как основа технологического суверенитета России // Мир новой экономики. 2025. Т. 19, №1. С. 17–26.
2. Жданов В.Л. Государственная политика России в области космической деятельности в свете последних глобальных вызовов и перспектив: цели, принципы, задачи и основные приоритеты // Управленческое консультирование. 2022. № 9. С. 18–28.
3. Уваров Д.Н. Проблемы и перспективы космической отрасли России // Вестник Отделения наук о Земле РАН. 2021. Т. 13, № 1. С. 40–50.
4. Герасютин С.А. Стремление ввысь. Очерки космонавтики. М.: Ноократия, 2024. 744 с.
5. Каманин Н.П. Скрытый космос. Кн. 1. 1960–1963 гг. // Скрытый космос: в 4 кн. М.: Инфортекст-ИФ, 1995. 400 с.
6. Болтянский Г.М. Ленин и кино. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. 88 с.
7. Попова Н.С., Попов С.И. Идея выхода в космос в контексте советской ментальности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 47. С. 48–55.
8. Федосов Е.А. Идеологема «космос» в образах советской визуальной пропаганды 1957–1965 гг. // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 1. С. 200–218.
9. Астахова А.В. Русский космизм в проектировании городской среды Советского Союза в 50–60-е гг. XX в. // Дискурс. 2023. Т. 9, № 4. С. 20–28.
10. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. М.: Наука, 1990. 224 с.
11. Русский космизм: Антология философской мысли / сост. С.Г. Семеновой, А.Г. Гачевой; вступ. ст. С.Г. Семеновой; предисл. к текстам С.Г. Семеновой, А.Г. Гачевой; примеч. А.Г. Гачевой. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 368 с.
12. Федоров Н.Ф. Философия общего дела / Федоров Н.Ф. Соч. М.: Мысль, 1982. С. 52–605.

13. Tumarkina L.V. Evolution of Death and Immortality Ideas From Russian Cosmism to Synergy // *Pensamiento*. 2023. Vol. 79, No. 302. P. 73–92.
14. Яковлева Е.Л. Конструирование советского человека посредством мифов // *Наука. Общество. Государство: электронный научный журнал* 2025. Т. 13, № 4. С. 164–178.
15. Семенова С.Г. Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика – Видение мира – Философия. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. 590 с.
16. Бердяев Н.А. Самопознание. М.: СП «ДЭМ»: Международные отношения, 1990. 224 с.
17. Groys B. Becoming Cosmic in: *Russian Philosophy in the Twenty-First Century* // *Russian Philosophy in the Twenty-First Century: An Anthology* / ed. by M. Sergeev, A.N. Chumakov, M.E. Theis. Leiden; Boston: Brill Rodopi, 2021. P. 155–166.
18. Масинг-Делич А. Упразднение смерти. Миф о спасении в русской литературе XX века / пер. с англ. М. Абушника. СПб.: Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. 464 с.
19. Надехина Ю.П., Крюкова Е.В., Геокчалян А.Г. «Культура труда» и «культурная революция» в СССР. Деятельность ЦИТа в 1920–е–1930-е гг. // *Человек и культура*. 2023. № 2. С. 15–22.
20. Дволучанский И.В. Социокультурный фактор влияния на формирование идей научной организации труда в работах Алексея Гастева // *Управленческое консультирование*. 2024. № 4. С. 116–124.
21. Муравьев В. Овладение временем как основная задача организации труда. М.: издательство автора, 1924. 127 с.
22. Бухарин Н.И. Доклад о работе среди молодежи / Заседание одиннадцатое 29 мая // *Стенографический отчет Тринадцатый съезд РКП/б*. Май 1924 года. М.: Государственное издательство Политической литературы. 1963. С. 510–527.
23. Катаев В.П. Время, вперед! // *Собр. соч.: в 9 т. Т. 3*. М.: Худож. лит., 1969. С. 129–432.
24. Дунаевский И., Лебедев-Кумач В. Марш веселых ребят. 1934 [Электронный ресурс]. URL: http://sovmusic.ru/text.php?fname=ves_reb (Дата обращения: 02.05.2026).
25. Mendonça V.B., Lippold, W. Da Revolução ao Cosmos: expressões de ficção científica nas primeiras décadas do cinema soviético // *RUS (São Paulo)*. 2025. Vol. 16, No. 29. P. 14–36.
26. Романов Р.Е. Архетип, традиция, модерн: феномен стахановского труда 1941–1945 годов (на материалах сибирского военпрома) // *Исторический курьер*. 2020. № 1(9). С. 69–80.
27. Укрощение огня (1972): видеофильм / реж. Даниил Храбровицкий. 02:38:00 (время воспроизведения) [Электронный ресурс]. URL: <https://clc.li/HaNzj> (дата обращения 02.05.2026).

References

(Sources)

Collected Works

1. Fedorov, N.F. *Filosofiya obshchego dela* [Philosophy of common cause], in Fedorov, N.F. *Sochineniya* [Collected Works]. Moscow: Mysl', 1982, pp. 52–605.
2. Kamanin, N.P. *Skrytyy kosmos*. Kniga 1. 1960–1963 gg. [Hidden space. Book 1. 1960–1963], in *Skrytyy kosmos v 4 kn*. [Hidden Space in 4 books]. Moscow: Infortekst-IF, 1995. 400 p.
3. Kataev, V.P. *Vremya, vpered!* [Time, go!], in Kataev, V.P. *Sobranie sochineniy v 9 t., t. 3* [Collected Works in 9 vols., vol. 3]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1969, pp. 129–432.

Individual Works

4. Berdyaev, N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow: Nauka, 1990. 224 p.
5. Berdyaev, N.A. *Samopoznanie* [Self-knowledge]. Moscow: SP «DEM»: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1990. 224 p.
6. Boltanskiy, G.M. *Lenin i kino* [Lenin and cinema]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925. 88 p.

7. Gerasyutin, S.A. *Stremlenie vyys'. Ocherki kosmonavtiki* [Aspiration skyward. Essays on astronautics]. Moscow: Nookratiya, 2024. 744 p.
8. Masing-Delich, A. *Uprazhdenie smerti. Mif o spasenii v russkoy literature XX veka* [The Abolition of Death: The Myth of Salvation in 20th-Century Russian Literature]. Saint-Petersburg: Academic Studies Press; BiblioRossika, 2020. 464 p.
9. Murav'ev, V. *Ovladenie vremenem kak osnovnaya zadacha organizatsii truda* [Mastering Time as the Main Task of Labor Organization]. Moscow: Izdatel'stvo avtora, 1924. 127 p.
10. Semenova, S.G., Gacheva, A.G. (red.). *Russkiy kosmizm: Antologiya filosofskoy mysli* [Russian Cosmism: Anthology of Philosophical Thought]. Moscow: Pedagogika-Press, 1993. 368 p.
11. Semenova, S.G. *Russkaya poeziya i proza 1920–1930-kh godov. Poetika – Videnie mira – Filosofiya* [Russian poetry and prose of the 1920s and 1930s. Poetics – World Vision – Philosophy]. Moscow: IMLI RAN; Nasledie, 2001. 590 p.

(Articles from Scientific Journals)

12. Astakhova, A.V. Russkiy kosmizm v proektirovanii gorodskoy sredy Sovetskogo Soyuz v 50–60-e gg. XX v. [Russian cosmism in the design of the urban environment of the Soviet Union in the 50–60s. XX century], in *Diskurs*, 2023, vol. 9, no. 4, pp. 20–28.
13. Dvoluchanskiy, I.V. Sotsiokul'turnyy faktor vliyaniya na formirovanie idey nauchnoy organizatsii truda v rabotakh Alekseya Gasteva [Sociocultural factor influencing the formation of ideas for the scientific organization of labor in the works of Alexei Gastev], in *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2024, no. 4, pp. 116–124.
14. Fedosov, E.A. Ideologema «kosmos» v obrazakh sovetskoy vizual'noy propagandy 1957–1965 gg. [The ideologeme “Cosmos” in Soviet visual propaganda images 1957–1965], in *Noveyshaya istoriya Rossii*, 2023, vol. 13, no. 1, pp. 200–218.
15. Mendonça, V.B., Lippold, W. Da Revolução ao Cosmos: expressões de ficção científica nas primeiras décadas do cinema soviético [Lippold W. from Revolution to Cosmos: science fiction expressions in the first decades of Soviet cinema], in *RUS (São Paulo)*, 2025, vol. 16, no. 29, pp. 14–36.
16. Nadekhina, Yu.P., Kryukova, E.V., Geokchakyan, A.G. «Kul'tura truda» i «kul'turnaya revolyutsiya» v SSSR. Deyatel'nost' TsITa v 1920-e–1930-e gg. [“Culture of labor” and “cultural revolution” in the USSR. CIT activities in the 1920s–1930s.], in *Chelovek i kul'tura*, 2023, no. 2, pp. 15–22.
17. Popova, N.S., Popov, S.I. Ideya vykhoda v kosmos v kontekste sovetskoy mental'nosti [The idea of going into space in the context of the Soviet mentality], in *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2019, no. 47, pp. 48–55.
18. Romanov, R.E. Arkhetip, traditsiya, modern: fenomen stakhanovskogo truda 1941–1945 godov (na materialakh sibirskogo voenproma) [Archetype, tradition, modern: the phenomenon of Stakhanov's labor of 1941–1945 (based on materials from the Siberian military industry)], in *Istoricheskiy kur'er*, 2020, no. 1(9), pp. 69–80.
19. Sergeeva, A.S. Razvitie perspektivnykh kosmicheskikh tekhnologiy i sistem kak osnova tekhnologicheskogo suvereniteta Rossii [Development of advanced space technologies and systems as a basis for Russia's technological sovereignty], in *Mir novoy ekonomiki*, 2025, vol. 19, no. 1, pp. 17–26.
20. Tumarkina, L.V. Evolution of Death and Immortality Ideas From Russian Cosmism to Synergy, in *Pensamiento*, 2023, vol. 79, no. 302, pp. 73–92.
21. Uvarov, D.N. Problemy i perspektivy kosmicheskoy otrasli Rossii [Problems and prospects of the Russian space industry], in *Vestnik Otdeleniya nauk o Zemle RAN*, 2021, vol. 13, no. 1, pp. 40–50.
22. Yakovleva, E.L. Konstruirovaniye sovetskogo cheloveka posredstvom mifov [Construction of the Soviet man through myths], in *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo: elektronnyy nauchnyy zhurnal*, 2025, vol. 13, no. 4, pp. 164–178.
23. Zhdanov, V.L. Gosudarstvennaya politika Rossii v oblasti kosmicheskoy deyatel'nosti v svete poslednikh global'nykh vyzovov i perspektiv: tseli, printsipy, zadachi i osnovnye priority [State policy

of Russia in the field of space activities in the light of the latest global challenges and prospects: goals, principles, tasks and main priorities], in *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2022, no. 9, pp. 18–28.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

24. Bukharin, N.I. Doklad o rabote sredi molodezhi [Report on youth work], in *Stenograficheskiy otchet Trinadtsatyy s'ezd RKP/b. May 1924 goda* [Verbatim report Thirteenth Congress of the RCP/b. May 1924]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Politicheskoy literatury, 1963, pp. 510–527.

25. Groys, B. Becoming Cosmic in: Russian Philosophy in the Twenty-First Century, in *Russian Philosophy in the Twenty-First Century: An Anthology*. Leiden; Boston: Brill Rodopi, 2021, pp. 155–166.

(Electronic Resources)

26. Dunaevskiy, I., Lebedev-Kumach, V. *Marsh veselykh rebyat* [March of the merry guys]. 1934. Available at: http://sovmusic.ru/text.php?fname=ves_reb (accessed: 02.05.2026).

27. *Ukroshchenie ognya: videofil'm* [Taming the fire]. 1972. Available at: <https://clc.li/HaNzj> (accessed: 02.05.2026).